

Город Солнца. Глаза смерти

Автор:

Евгений Рудашевский

Город Солнца. Глаза смерти

Евгений Рудашевский

Город Солнца #1

Всему виной «Особняк на Пречистенке». Когда Максим узнал, что мама продаёт эту старинную картину, жизнь в подмосковном Клушино из размеренно-сонной превратилась в опасную. Почему за полотном безвестного Александра Берга охотятся сомнительные, на всё готовые люди? Как изображение малопримечательного дома связано с судьбой исчезнувшего отца, любителя загадок, шифров и скрытых смыслов?

19-летний герой, студент журфака, заинтересовался картиной лишь ради того, чтобы написать учебный репортаж, а в итоге оказался втянут в детективную историю. И следом втянул друзей: тихоню-однорупника Диму, энергичную и самоуверенную Аню, а также Кристину, которую встретил впервые, хоть и кажется, будто знал её всегда. Они начинают своё расследование – и быстро понимают, что оно заведёт их очень, очень далеко.

Первый роман в приключенческой серии «Город Солнца» выдаёт в Евгении Рудашевском человека, которого интересует на этом свете буквально всё: искусство, природа, студенческая жизнь, мотивы человеческих поступков – о чём бы ни писал молодой автор, получается познавательно и заразительно. С каждой новой книгой голос Рудашевского звучит всё более уверенно, а остросюжетность всё филиграннее переплетается с психологической глубиной. «Город Солнца. Глаза смерти» продолжает линию, заданную писателем в книгах «Солонго. Тайна пропавшей экспедиции» и «Бессонница»: приключенческий роман с двойным дном, главные герои которого – ребята, впервые по-настоящему столкнувшиеся с миром взрослых. Это столкновение меняет их. Читатель же не может оторваться, следуя за героями.

Евгений Рудашевский

Город Солнца. Кн. 1. Глаза смерти

© Рудашевский Е. В., текст, 2018

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», оформление, 2018

* * *

Меня больше всего поражает в муравьях, жуках и других господах насекомых их удивительная серьёзность; бегают взад и вперёд с такими важными физиономиями, точно и их жизнь что-то значит!

Иван Тургенев

Коль жизнь моя нужна – бери её, Изида, Но допусти узреть божественный твой лик.

Мирра Лохвицкая

Глава первая. Аукцион

– Пристегни ремень.

Максим нехотя послушался. Не ожидал, что мама заедет за ним после университета. Ещё больше удивился, увидев её взволнованное лицо.

– И ничего не говори Паше.

Кажется, сказала это всерьёз. Никогда прежде не просила скрыть что-либо от отчима. Максим с подозрением взглянул на маму.

– Может, объяснишь, куда мы едем?

– Подожди. Сейчас всё узнаешь.

На повороте застучала подвеска. Они ехали слишком быстро.

Максим не любил эту машину. Серебристая «вольво» девяносто пятого года. Просторная и, несмотря на несуразный внешний вид, по-своему красивая, к тому же с открывающимся люком на крыше. Однако она напоминала об отце, а Максим предпочитал не вспоминать прошлую жизнь.

Они с мамой уже шесть лет жили в подмосковном доме отчима. Деревня Клушино. Та ещё дыра. Местные жители говорили об уединённости, о лосиных и кабаньих тропках, о Клушинской горе с её бугельным подъёмником и приезжими сноубордистами. Вот только настоящей уединённости там не осталось с тех пор, как рядом проложили скоростную трассу. Она оседлала четыре области, торжественно соединила Москву и Петербург и как-то враз обнажила всю никчёмность, захолустность самого Клушино – всего лишь очередной деревушки, спрятанной за шумозащитным экраном из оцинкованной стали.

– Открой бардачок. – Мама свернула на Тверской бульвар.

Максим, подавшись вперёд, потянул за тугую защёлку. Увидел, что в бардачке среди оплаченных счетов за электричество лежит тяжёлый альбом с мягкой глянцевой обложкой.

– Что это?

– Каталог.

– Аукционный дом «Старый век»... – прочитал Максим. – Собралась прикупить картину?

– Хочу тебе помочь. Ты же просил придумать что-нибудь интересное для репортажа.

Репортаж был практической частью экзамена по основам творческой деятельности журналиста. Сдать его нужно было к летней сессии. Со своим репортажем Максим управился ещё две недели назад, в феврале, и теперь подрабатывал, помогая сокурсникам. Копил на зеркальный фотоаппарат, а пока снимал на старенький смартфон «Нокиа N8». С одиннадцатого класса почти не брал у мамы денег. Она до сих пор не разобралась с кредитами, которые взяла после развода; теперь работала в доме детского творчества в Менделеево и, если б не помощь отчима, столярничавшего на заказ, пожалуй, совсем бы в этих кредитах утонула.

– И что интересного в каталоге? – Максим нехотя перелистывал страницы.

– Интересное будет на предаукционной выставке. Мы как раз туда едем. Листай дальше, поймёшь.

Максим с сомнением провёл рукой по плотной бумаге. Пока ничего любопытного не заметил. Репродукции картин, их характеристики, краткие заметки о бытовании, справочные данные о художниках. Сразу два разворота были посвящены главному лоту – небольшому этюду Василия Верещагина. Из частной европейской коллекции. Холст, наложенный на панель, масло. Стартовая цена – два миллиона триста тысяч рублей. Остальные картины были значительно дешевле, цена снижалась с каждой страницей.

Максим, уже не вчитываясь, быстро перелистывал каталог, а потом замер.

– Нашёл? – догадалась мама.

– Эта картина... Кажется, я где-то видел её.

Художник – Александр Берг. «Особняк на Пречистенке». 1774 год. Холст, масло. Из частной коллекции, Россия. Стартовая цена – сто тридцать тысяч рублей.

– Постой, – Максим наконец вспомнил, – этот «Особняк», он же висел в Ярославле, в нашей комнате!

– Висел, – кивнула мама.

С тех пор как они переехали в Клушино, Максим больше не видел этой картины, да никогда бы и не вспомнил о ней, если бы сейчас не наткнулся на неё в каталоге.

Полотно, в общем-то, заурядное. Прямоугольное двухэтажное здание с одноэтажными флигелями по бокам и с зажатым между ними скупым цветущим садом. Под окнами – пышная, но однообразная лепнина. Обыкновенная картина без настроения, без выраженной атмосферы. Кажется, всё её достоинство составлял исключительно возраст.

Максим всматривался в цветную репродукцию, вновь и вновь перечитывал скупое описание, будто боялся упустить какую-то деталь. А главное, начал догадываться, почему вдруг мама решила скрыть их поездку от отчима. Картина могла быть связана с отцом Максима, а такая связь не понравилась бы Корноухову.

Мама снова вышла замуж через шесть лет после развода. Поначалу Максим ждал, что она придёт к нему поговорить об отце. Готовился к разговору, подбирая слова, а потом начал его опасаться. Не хотел вспоминать то, что успело позабыться. А с отчимом он за шесть лет так толком и не сошёлся. До сих пор не знал, как к нему обращаться. Называть его отцом Максим никогда бы не смог, а говорить ему, как раньше, «дядя Паша» теперь казалось неуместным. «Павел Владимирович» прозвучало бы совсем глупо. С мамой они были действительно близки, а вот Максим так ни разу и не обратился к нему напрямую, в разговоре с мамой всегда упоминал его по фамилии. Это было довольно странно, но все привыкли.

– «Сто тридцать тысяч»? – не удержавшись, вновь прочитал Максим.

– Как видишь.

– И ты едешь забрать деньги? Откуда эта картина вообще взялась?

– Кое-кто действительно уже хотел её купить. Но вообще аукцион начнётся после выставки. А едем мы, чтобы забрать картину. Я снимаю «Особняк» с продажи.

– Снимаешь? – Максим окончательно запутался. – Почему?

– Загляни ещё раз в бардачок.

«Вольво» вздрогнула на резиновом бугре «лежачего полицейского», затем плавно остановилась. Максим даже толком не понял, куда именно они приехали. Это был просторный дворик старых двухэтажных домов. Куцый фонтан молчал под снежным налётом, а в остальном всё было тщательно выметено от сугробов. Во двор выходили сразу три широких крыльца, и на одном из них толпились люди. Там же висела афиша с названием аукционного дома.

Максиму пришлось вновь повозиться с тугой защёлкой бардачка. Бросив в него каталог, он достал из-под счетов синюю папку. В ней лежал реставрационный паспорт – скреплённые степлером листы, в которых рассказывалось о реставрации «Особняка на Пречистенке».

– Перед продажей картину всегда реставрируют, – сразу пояснила мама. Поставила машину на ручник и теперь повернулась к Максиму. – Делают её...

– Более привлекательной?

– Ну да. Главное не переборщить. К первоначальному виду картину всё равно не вернуть.

– Почему?

Максим продолжал задавать вопросы, а сам неспешно листал паспорт, надеясь в мешанине терминов и сокращений найти хоть что-то интересное.

– Ну, можно убрать загрязнения, подновить лак, снять то, что успели подрисовать другие художники. Но оптическая структура красок с годами меняется. Они... иначе выглядят. И это уже никак не изменить. Понимаешь?

– Понимаю.

Раньше мама была искусствоведом. Преподавала в Строгановке, работала в музеях. До развода помогала отцу Максима в его фирме – занималась антиквариатом. Деталей Максим не знал. С тех пор как отец ушёл, они с мамой об этом никогда не говорили.

– Сейчас не осталось картин старше трёх веков. Таких, чтобы их никогда не реставрировали. Ну, за редким исключением. Как правило, картина, даже самая заурядная, проходит две-три реставрации. Иногда больше.

– Убирают загрязнения? – Максим отвлёкся от паспорта и теперь торопился записать всё в блокнот. Это могло пригодиться в работе над репортажем.

– Не только. Самая большая беда в том, что картина темнеет. Иногда повисит в музее лет пять-шесть и уже покрывается такой, знаешь, серой вуалью. Лак теряет прозрачность.

– Хорошо. Я это использую, – Максим просмотрел сделанные записи и вернулся к отложенному реставрационному паспорту. – Но я так и не понял, почему ты в итоге решила не продавать картину, если она уже в каталоге, если уже есть покупатель.

– Читай дальше. – Мама поглядывала на людей у парадного крыльца. Ей хотелось скорее попасть на выставку, однако Максима она не торопила. Опустила солнцезащитный козырёк с зеркальцем и принялась подводить губы.

– «Кромки старого реставрационного холста слабые, перегоревшие от времени, – Максим время от времени начинал читать вслух. – По всей поверхности красочного слоя многочисленные тонировки, находящиеся между слоями лака... Виден характерный рисунок масляных разрывов».

Мама теперь осматривала ногти. Показывала, что готова ждать до тех пор, пока Максим не сообразит, в чём тут дело.

- Ты так и не сказала, откуда она у тебя.

- Старый подарок.

- Ясно. - Максим поморщился.

Мамин ответ прозвучал не очень уверенно.

- И где она была все эти годы?

- Висела у подруги.

- Ясно. А почему ты не выставляла её раньше?

- На «Особняк» нет документов. И продать его сложно.

Максим кивнул. Ещё одна причина скрывать сегодняшнюю поездку от Корноухова. Он бы никогда не одобрил продажу картины без документов. Отчим был слишком щепетильный. И маме это нравилось. После истории с отцом ей, пожалуй, нужен был именно такой человек.

- А почему владельцем в паспорте записан аукционный дом?

- Потому что я попросила нигде не указывать моё имя.

- «На подрамнике обнаружен неопознанный оттиск на сургучной печати». Так... Это понятно. «Записи, которые закрывают всю поверхность изображения окон, не читались и создавали впечатление авторской живописи». Это тоже понятно... - бормотал Максим. Начал недовольно постукивать подошвой по резиновому коврику в ногах.

Всё это послужило бы неплохим материалом для репортажа. Можно в подвёрстке рассказать о работе реставраторов, которые готовят картину к продаже и о существовании которых многие не догадываются. Однако никакого объяснения, почему мама вдруг решила отказаться от ста тридцати тысяч, в паспорте не было. Как не было и правдоподобного ответа, откуда она вообще взяла картину, почему все эти годы прятала её и что... Перевернув очередной

листок и прочитав первые строки новой страницы, Максим притих.

– Ну? – Мама улыбнулась. – Понял?

Максим медленно кивнул.

С каждой новой строчкой его интерес только усиливался.

Картина оказалась не такой уж простой.

Глава вторая. «Савельев и сыновья»

Савельев заметил пятно краски на безымянном пальце левой руки. Недовольно поморщился. Мельком, будто невзначай, осмотрел манжеты. Они были чистыми. И рукава чистые. Только это пятно – такое яркое, броское.

Савельев достал бейджик и аккуратно прицепил его к карману сорочки. «Савельев Вячеслав Алексеевич. Реставратор высшей категории». Будто надпись могла оправдать его нечистоплотность.

Постоял какое-то время, потом нервно снял бейджик и спрятал его в кармане брюк.

– Глупость... – прошептал Савельев.

В последнее время он часто говорил вслух. Пожалуй, такая странность могла привлечь внимание куда больше, чем краска на пальце. Савельев сжал губы.

Вскоре, позабыв о пятне, стал с интересом следить за посетителями. Здесь, в небольшом выставочном зале аукционного дома «Старый век», собралось не меньше пятидесяти человек. И это ещё не все: торжественная часть начнётся в девять. К этому времени Вячеслав Алексеевич вернётся в мастерскую. Он всегда так поступал. Приходил лишь в первый час. Чтобы посмотреть на людей, на картины. И почувствовать собственную власть.

Посетители в начищенных ботинках расхаживали по бетонному полу холодной венецианской мозаики, вдоль стен, покрытых тёмной галечной плиткой, и тихо обсуждали вывешенные для продажи полотна. Смотрели на них в мягком оптоволоконном свете, то и дело заглядывали в каталог, чтобы прочитать историю и характеристику картины, что-то записывали себе в телефон. Приценивались, примерялись. Им было невдомёк, что настоящим владельцем каждой третьей из представленных тут работ навсегда останется Савельев. Они могут доставать из кошельков красно-оранжевые банкноты и пластиковые карты, могут смело размахивать номерными карточками, перебивая чужую цену, а потом с гордостью показывать друзьям покупку, для которой подберут какое-нибудь убогое местечко над камином или у лестницы на второй этаж. Всё это не имело значения.

Именно Савельев выбирал, какими станут эти картины. По большей части они к нему попадали с потемневшим лаком, с затёками воды, мушинными засидами, брызгами от побелки, иногда – с прорывами. И всякий раз в его власти было сохранить мягкие полутона старения. Или разом сорвать многолетний налёт, чтобы картина, разбуженная от долгого сна, закричала во всё горло, словно взбесившийся фаянс.

– Взбесившийся фаянс... – Вячеславу Алексеевичу нравилось это выражение братьев Гонкур.

Свою роль играла и близость с картиной, достижимая лишь в глухих стенах реставрационной мастерской. Савельев видел, как день за днём из-под слоёв грязи и чужих записей наружу проступает истинное звучание красок. Он кропотливо, наслаждаясь медлительностью работы, снимал внешние пылевые загрязнения, удалял надлаковые записи и сами лаковые покрытия. Затем снимал подлаковые загрязнения и записи. Наконец бережно, миллиметр за миллиметром, избавлялся от старого реставрационного грунта. И лишь тогда замирал в восхищении. Картина, нехотя одолевая вековую стеснительность, в итоге обнажала подлинные переливы своих тонов и теней. Как взрослый хаски, проданный по объявлению, будет служить новому хозяину, но навсегда сохранит преданность лишь тому, кто приручил его в детстве, так и картина, проданная с аукциона, останется верна лишь своему реставратору.

Услышав в зале громкие голоса, Вячеслав Алексеевич вздрогнул. Слишком глубоко ушёл в свои мысли, и ему потребовалось ещё несколько секунд, чтобы очнуться.

У северной стены, возле выставленных и уже отчасти сервированных фуршетных столов, завязался спор. И спорили там чересчур эмоционально. Остальные посетители изредка поглядывали в ту сторону, пытались разобраться, что послужило причиной ругани, но в основном делали вид, что их интересуют лишь картины.

Поначалу Савельев заметил, что больше всех ругается девушка в зелёном брючном костюме. Она была чем-то недовольна и всё своё негодование выплёскивала на Кристину, дочь Абрамцева – владельца аукционного дома. Светловолосая и улыбчивая, Кристина пошла в мать. После развода осталась с ней, а два года назад вернулась к Дмитрию Ивановичу – поступила в Строгановку на теорию и историю искусств, теперь изредка помогала отцу на выставках и аукционах.

Девушке в брючном костюме помогал чернобородый мужчина в чёрных кожаных ботинках – судя по всему, армейских. Неуклюже затянутый в твид дорогого пиджака и поблёскивавший серебряными запонками мужчина выглядел неприятно. Каждое его движение, скованное неудобной одеждой, выдавало звериную силу. Глаза были крохотными, тёмными.

Вячеслав Алексеевич сделал несколько шагов к столам, надеясь хоть чем-то помочь Кристине, но вскоре увидел, что спор прекратился сам собой.

– Когда будет Абрамцев? – раздражённо бросила девушка в брючном костюме.

– Должен скоро подойти, – с усталой улыбкой ответила Кристина. – К девяти часам он точно...

– Отлично. Тогда передайте ему... – Девушка вдохнула чуть глубже, будто захлёбываясь собственной яростью и опасаясь запутаться в словах. – Передайте, что я это так не оставляю.

Неприятный голос, срывающийся, истеричный. Закрыв глаза, можно было представить женщину лет сорока и даже больше и уж точно не такую молодую и ухоженную девушку.

Из тех слов, что услышал Вячеслав Алексеевич, стало понятно: возмущение вызвано отсутствием на предаукционной выставке одной из заявленных в каталоге картин. Такое случилось, в этом не было ничего исключительного. Вот и с апрельского аукциона сняли две картины. Савельев хорошо знал обе. И только одна из них была достойна подобных страстей.

– Странно... – прошептал Вячеслав Алексеевич.

Задумчиво посмотрел вслед уходившей девушке в брючном костюме и сопровождавшему её чернобородому мужчине. Усмехнулся тому, как галантно, будто невзначай, все уступают им дорогу – делают вид, что не слышали ссору и сейчас расступаются не из страха перед этими людьми, а с единственным желанием поближе подойти к заинтересовавшей их картине.

Хлопнула стеклянная дверь.

Из колонок заиграло фортепиано. Что-то мягкое, едва различимое – из того, что можно услышать в дорогих ресторанах, где музыка, даже самая приятная, призвана лишь усилить аппетит. Это, конечно, Кристина позаботилась. Хотела очистить зал от затерявшихся по углам отголосков недавней ругани.

Вячеславу Алексеевичу пора было возвращаться в мастерскую. В этот раз не удалось сполна насладиться чувством собственного превосходства, однако никто не мешал ему повторить такой выход завтра.

Уже приблизившись к двери с чёрной табличкой «Только для персонала», он заметил новых посетителей и ненадолго остановился. Женщину в коричневой кофте Савельев узнал сразу. Это была Шустова Катя. Они не виделись много лет. Вячеслав Алексеевич считал, что Катя до сих пор живёт в Ярославле, и удивился её появлению. Не знал, что та сама приедет за картиной. Рядом с ней шёл юноша – наверняка её сын, Максим. Савельев видел его ещё совсем маленьким.

В шерстяном ламберджеке красной и чёрной клетки, наподобие того, что носят канадские лесорубы, в джинсах, в потрёпанной коричневой кепке и высоких грубых ботинках, Максим едва ли напоминал своего отца. Шустов-старший предпочитал не менее свободную, но куда более представительную одежду.

Савельев улыбнулся, вспомнив годы, когда его можно было очаровать рассказами о путешествиях, о стычках с дикими племенами где-нибудь в джунглях Амазонии, о загадочных островах, где по сей день лежат позабытые шедевры архаического искусства. Вспомнил, как в Боливии погиб один из друзей Шустова – тот, который частенько приносил на реставрацию сомнительные картины и всякий раз настаивал на «предельной конфиденциальности». Вспомнил и то, что в последние годы случилось с самим Шустовым.

Нет, на первый взгляд Максим не был похож на отца. И всё же, несмотря на эту одежду, несмотря на общую угрюмость, в нём безошибочно угадывалось что-то шустовское. Достаточно было понаблюдать за тем, как он идёт, как говорит, как быстро меняется мимика его подвижного лица. А главное, Максим был таким же худым, высоким, и на лоб из-под кепки выбивались такие же густые каштановые волосы.

Вячеслав Алексеевич ушёл, так и не поздоровавшись с Катей и её сыном. Знал, что всё равно скоро увидит их у себя.

Аукционный дом «Старый век» располагался в особняке девятнадцатого века на Поварской улице. В этом же особняке разместилась и реставрационная мастерская «Савельев и сыновья». Именно туда вёл узкий коридор, прятанный за дверью с табличкой «Только для персонала».

Вячеслав Алексеевич называл этот коридор чистилищем. Здесь на смену шумной выставке приходило молчание гладкого прорезиненного ковролина и зелёных стен из стеклблоков. Можно было наконец расслабиться. Тут никого не смущало пятно краски на пальцах.

– Зря ты, Катя, зря. Ведь всё испортишь. Сидела бы в своём Ярославле, а мы бы сами разобрались.

Разговоры вслух в коридоре тоже никого не пугали.

Зайдя в мастерскую, Савельев с наслаждением вдохнул сухой, пахнущий растворителями и красками воздух. Прошёл мимо расставленных на держателях и замотанных в ткань картин, мимо сгруженных в углу подрамников и недавно привезённого багета. С облегчением, соскучившись после отлучки, посмотрел на теснившиеся по стеллажам прозрачные банки с ацетоном, уайт-спиритом, на

молочно-белые смеси уже готовых эмульсий. Наконец приблизился к стулу, на котором лежал его суконный кислотостойкий халат. Привычным движением надел халат поверх сорочки и пуговичных подтяжек, затем сел за рабочий стол.

В сосредоточенном умиротворении вернулся к заказу, начатому на прошлой неделе. Вячеслав Алексеевич обслуживал не только аукционный дом. Брал на чистку работы из музеев и частных коллекций. В последнее время это стало чуть ли не главным заработком мастерской.

Шустовы пришли через полчаса, в сопровождении Абрамцева. Дмитрий Иванович выглядел прекрасно. В коричневых кожаных оксфордах с едва заметными стежками шнурков, в лёгком тёмно-жёлтом костюме, он, как всегда, шёл уверенно, почти напористо. Морщины возле глаз и в уголках рта показывали неизменную готовность Абрамцева улыбнуться. Савельев знал: этой улыбкой он мог расположить к себе любого, самого привередливого покупателя. Дмитрий Иванович не позволял себе не то что пятна от краски на пальцах – даже пылинки на плечах дорогого пиджака. Но в этом не было напыщенности. Абрамцев, при всей лощёности, всегда казался естественным.

Он подвёл Шустовых к столу Савельева, но Вячеслав Алексеевич сделал вид, что глубоко увлечён работой и не замечает посетителей.

Савельев, в свои пятьдесят два года располневший и поседевший, тем не менее сохранил неплохое зрение. Он обходился без очков и только вынужден был низко склоняться над полотном, которое лежало перед ним на рабочем столе. Зажав пальцами туго скрученный тампон с эмульсией, он кругообразными движениями обрабатывал один из участков покрывного лака. То и дело останавливался, чтобы протереть его сухим тампоном, подцеплял скальпелем обнажившуюся грязь, иногда заглядывал в окуляр микроскопа, чтобы убедиться в целостности ещё не раскрытого красочного слоя.

Абрамцев не ожидал, что Савельев так себя поведёт. В конце концов вынужден был отчётливо позвать:

– Вячеслав Алексеевич?

Савельев с неудовольствием отвлёкся от работы. Наложил на картину сразу два небольших компресса из смоченной в бычьей желчи фланели и только после

этого нехотя посмотрел на Шустовых. Правда, вместо приветствия сразу спросил:

– Так, значит, вы её заберёте?

Голос Савельева прозвучал сухо. Картина в самом деле его заинтересовала. Точнее, заинтересовал её первоначальный слой. Да, картина оказалась двухслойной. Под внешним изображением особняка пряталось более старое изображение, которое пока оставалось загадкой. Для всех, но не для Савельева.

Такое случается. Художник мог использовать картину другого мастера или закрасить собственное полотно. Например, Иван Никитин, когда ему потребовалось написать Петра Первого на смертном одре, взял одну из своих недавно законченных работ, потому что готового холста не нашлось, а натягивать новый холст на подрамник, да ещё и грунтовать его не осталось времени. Под руку попало изображение девочки, которую Никитин в итоге перевернул вниз головой. Картина получилась двухслойной, и первоначальное изображение теперь навсегда скрыто. Никто в здравом уме не будет счищать посмертный портрет императора, а разделить слои – так, чтобы сохранить их нетронутыми, – технически невозможно.

О существовании внутреннего слоя у «Особняка» Савельев узнал после того, как снял старый реставрационный лак. Грунт картины успел растрескаться, и через эти трещины, по краям напоминавшие расколотую льдину, в микроскоп хорошо просматривались оба слоя. Савельев был уверен, что первоначальное изображение нанёс всё тот же Александр Берг – живописец совсем неизвестный и почти нигде не отмеченный. Это не вызывало сомнений, ведь совпадал химический состав красок.

Чтобы судить о том, что именно скрыто под особняком на Пречистенке, требовалась рентгенография, но Катя от неё отказалась. Она вообще повела себя странно. Поначалу потребовала закончить реставрацию и выставить «Особняк» таким, толком не изученным, – судя по всему, ей были срочно нужны деньги и она боялась затягивать продажу, ведь первым слоем вполне могла оказаться какая-нибудь мазня. А теперь она вдруг решила забрать картину. Абрамцев, Катин старый знакомый, не стал возражать, хотя формально они подписали договор и без штрафов пойти на попятную в другом аукционном доме ей бы не разрешили.

– Да, Вячеслав Алексеевич. – Абрамцев поправил сложенный уголком платок в кармане пиджака. – Екатерина Васильевна забирает картину. Жаль, что вы не успели её упаковать.

Сторонний человек ни за что не распознал бы в голосе Абрамцева недовольство. Слишком уж мягко, непринуждённо он говорил. Но Савельев сразу понял, что Дмитрий Иванович удивлён и по-своему рассержен. Он предпочёл бы скорее вернуться на выставку.

– Очень, очень жаль, – медленно произнёс Савельев и встал из-за стола.

Абрамцев, конечно, не сказал Кате, что вопреки её желанию, да, собственно, ещё до того, как она успела это желание озвучить, поручил ему, Савельеву, сделать рентген картины. И они теперь оба знали, что скрывается под внешним слоем. Оба понимали, какое это имеет значение. И всё же Абрамцев вот так, с непринуждённостью, выпускал «Особняк» из своих рук. Дмитрий Иванович всегда был понапрасну щепетилён в общении с друзьями. Да, Кате повезло, что их с Абрамцевым связывала давняя дружба. Савельев не стал бы с ней церемониться.

Подумав так, он беззвучно усмехнулся, но всё же прошёлся к мольберту, на котором до сих пор, уже отреставрированный, стоял «Особняк» Берга.

– Интересное полотно. И, знаете, работа оказалась не такой простой.

Савельев всеми силами оттягивал расставание с картиной. И говорил. Много говорил. Будто надеялся, что Катя в последний момент изменит решение и оставит её для дополнительных исследований.

– Тут по краям были затёки воды. Старые. Думаю, им было лет пятьдесят. От таких сложно избавиться. – Савельев мизинцем, не прикасаясь к лаку, показывал на участки, о которых говорил.

Катя и Абрамцев переглянулись, но так и не успели ничего сказать, им помешал Максим. Он всё это время молчал, а тут стал расспрашивать о проделанной реставрационной работе. Сейчас, без кепки, он ещё больше напоминал отца. И голос... Ровный, выдающий отдельные нотки глубины. Когда-то так же говорил Шустов-старший. Ну или почти так же.

– О, тут всё интересно, – с готовностью отвечал Савельев. – По центру такого затёка краски оказываются светлыми, да. А вот по краю получается тёмный ободок из грязи и частиц пигмента. Ведь пигмент вымывается из центра и расходится по краям. Так вот, грязь убрать несложно, а пигмент устранить до конца не получается.

– Я ничего не вижу.

Максим внимательно разглядывал указанное место. Потом достал смартфон и стал фотографировать – и полотно, и мольберт, и стоящие поблизости стеллажи, и самого Савельева.

– Ну, в таких случаях приходится прибегать к тонировке. А вы, молодой человек...

– Вячеслав Алексеевич! – твёрже сказал Абрамцев.

– Да, да, – Савельев неподвижно стоял у мольберта, но произнёс это таким голосом, будто дважды отмахнулся от надоедливового собеседника. Потом уже, смирившись, повторил спокойно: – Да. Только скажите, что вы собираетесь делать дальше? Картина-то... интересная.

– Я...

– Это уже не наше дело, Вячеслав Алексеевич, – вмешался Абрамцев. – Уверен, Екатерина Васильевна лучше нас знает, как поступить с полотном.

– Ну да, – вздохнул Савельев.

Он и не надеялся услышать ответ. Помедлил несколько мгновений и наконец стал заворачивать картину в ткань.

Вскоре Савельев остался один. В своём тесном, пропахшем растворителями и масляными красками мирке, куда давно не пускал ни друзей, ни родственников. Собственно, за последние годы к нему никто и не напрашивался.

Когда-то Савельеву нравилось общение. Каждый человек казался таинственным полотном, покрытым своей лаковой плёнкой – пожелтевшей, грубой и скрывающей истинное лицо. Всякий раз Вячеслав Алексеевич с увлечением брался за раскрытие подлинного красочного слоя людей. Слово за слово изучал их, будто делал пробные расчистки разными эмульсиями. Авторская живопись неравномерна: некоторые мазки лежат выше, некоторые ниже. При неосторожности, глядя лишь на один пробный участок, можно снять не только лак, но и красочные пигменты, а значит, исказить картину. И каждая новая ситуация: прогулка по набережной, совместные праздники или работа, даже болтовня вечером по телефону – всё это становилось для Савельева чем-то вроде пробы-шурфа, по которому он распознавал неровности нанесённых мазков. Но всё это было в прошлом. Слишком часто под лаковым слоем, обещающим нечто совершенное, оказывалась серая заурядность – неумелая мазня с неоправданными потугами на исключительность. Картины обманывали реже, чем люди.

В мастерскую давно вернулась тишина. Возле высоких окон зелёными и синими огоньками подмигивали регуляторы влажности и поставленное на зарядку оборудование. И Савельев, замороженный, смотрел на них. По-прежнему стоял у двери в коридор. Будто надеялся, что в последний момент Катя одумается.

Он даже забыл про ждавшие его на рабочем столе компрессы. Такое с ним случалось редко.

Наконец понуро вернулся за рабочий стол. Рассеянно взглянул на перепачканный в краске безымянный палец. Ещё долго так сидел – тихо, неподвижно. И гадал, как сложится судьба картины: доведётся ли кому-то узнать о скрытых в ней загадках, доведётся ли кому-то их разрешить?

Глава третья. Аня

Аня впервые увидела Максима две недели назад, в столовой. Тогда он вступился за худосочного парня из иллюстраторов. Глупая забава – выхватить рюкзак и не отдавать его, шутливо перебрасывая друг другу. Аня в начале семестра вернулась из Мадрида – перевелась из Европейского института дизайна – и уже два раза видела здесь подобные сцены. Ей было неприятно. Она думала

вмешаться, выручить бедолагу, который только мямлил что-то неразборчивое, но так и не осмелилась. А Макс ему помог. И Ане это понравилось. Сейчас, оказавшись у него в гостях, она так и сказала:

- Ты молодец. Вступился за друга.

- Он мне не друг, - Максим вяло пожал плечами.

- Ещё лучше! - обрадовалась Аня.

- И он сам виноват.

- Это почему?

- Настучал в деканат, вот почему! - довольный, пояснил Дима, Анин брат.

Дима разглядывал деревянные панно на стене. Будто впервые здесь оказался. Оставив трость у дивана, он прихрамывал, но даже не пробовал опереться рукой о стол или тумбу. Он всегда так делал, когда на него кто-то смотрел.

- Тот парень в общежитии живёт. Вот и настучал, что в соседней комнате курят.

- Это правда? - удивилась Аня.

- Что курит или что настучал? Да и какая разница?

- Ты всё равно молодец. - Аня хотела положить руку на плечо Максиму, но сдержалась. Вспомнила, что он не любит, когда к нему прикасаются чужие люди. Об этом ей сказал брат.

Дима весь месяц зазывал Аню в Клушино, обещал познакомить с Максом и был явно доволен тем, что у него есть не просто друг, а друг со странностями. Пытался эти странности как-то заострить, преувеличить - рассказывал всякие нелепые истории.

- Он и руки? никому не жмёт! Сейчас уже привыкли, а на первом курсе смеялись. Все утром здороваются, только он стороной обходит. А ещё он никогда не отмечает дни рождения.

- Почему?

- Сама спроси.

И Аня спросила. Это был её первый вопрос. Макс не растерялся, только с недовольством посмотрел на Диму.

- Я ему предлагал на день рождения добавить на зеркалку, так он отказался. Хочет сам накопить, - Дима не обращал внимания на сердитые взгляды друга. Кажется, привык к ним и научился не реагировать.

- Ты знаешь, я не принимаю подарков, - спокойно ответил Максим.

- А что плохого в подарках? - тут же спросила Аня.

- Я не говорю, что в них что-то плохое. Просто не отмечаю дни рождения и не принимаю подарки.

- Вот! - торжественно подытожил Дима.

- Думаешь, что праздновать дни рождения - это как комплекс Иисуса Христа? У меня был знакомый, он так и говорил.

- Нет, - Макс устало качнул головой. - Я просто не отмечаю дни рождения.

- Он вообще ничего не отмечает! - не останавливался Дима. - Так и не приехал к нам на Новый год.

Вообще Макс оказался не таким уж чудачком. Однако Ане он всё равно понравился. В нём угадывалось что-то спокойное, размеренное. Да и голос был приятной глубины. Хотелось вытянуть из Макса хоть несколько фраз, чтобы послушать, прочувствовать этот голос, однако он оставался молчаливым. За него тараторил Дима:

– Хорошо, когда не надо жать руки. Глупо ведь трогать все эти потные ладошки и улыбаться. Да и бог его знает, чего он там этими руками чесал, правда? Слушай, может, покажем Ане дом?

Максим нехотя согласился. Аня предпочла бы посидеть в гостиной, а ещё лучше – сходить в лес, однако Дима настоял на экскурсии. Впрочем, Максим лишь открыл несколько комнат, позволил в них заглянуть, но толком ничего не рассказал.

Дом оказался настоящим уродцем. Ему было не меньше полувека. Он мог бы состариться красиво, уютно, как это случается с бревенчатыми избами, в которых слой за слоем мумифицируются жизни целых поколений. В естественных морщинах, в самом запахе таких стариков угадывается тёплое, родное, даже если ты никогда не жил за городом. Однако этот дом в последние годы попадал в руки пластических хирургов и после десятка операций превратился в нечто несуразное.

Обтянутый серым пластиковым сайдингом, укрытый бордовой металлочерепицей, он делился на две непропорциональные части: старую и новую.

Старую часть захлामीли воспоминания ушедших людей. Тут было три комнаты, каждая из которых представляла готовую музейную экспозицию советской жизни – с дисковым телефонным аппаратом, с пузатым телевизором, всевозможными скатертями, подзорами и стопками пуховых подушек. Под толстыми выцветшими коврами лежала скрипящая, местами прогнившая паркетная доска. На стенах лепились часы-ходики с латунным маятником, чёрно-белые фотографии, а вместо дверей в одну из комнат висели вишнёвые сатиновые портьеры, насквозь пропитанные запахом пыли и старости. Ну, по меньшей мере, Аня этот запах определила именно так.

Новой частью была современная двухкомнатная пристройка к дому. Здесь вместо паркета лежал ламинат, вместо старых громоздких трельяжей и поставцов стояли лёгкие «Хемнэс» из ИКЕИ, а стены были обклеены текстурными флизелиновыми обоями. В углу неуклюжим наростом торчал кондиционер.

Между этими несуразно слепленными частями дома образовалась прихожая. Оттуда, пройдя по коридору, можно было попасть в комнату Максима.

– Это не всё! – Дима наслаждался прогулкой по дому, будто сам впервые тут оказался. – У пристройки к дому есть своя пристройка! Там ванная с бойлером. И там же выход на веранду, которой пока нет. Её дядя Паша только в прошлом году начал. И мастерскую он сам себе построил. И беседку хочет поставить. Тут бы ещё пару этажей, и была бы «Нора» Уизли, правда?

Аня с сомнением кивнула.

Экскурсия закончилась в старой части дома, в гостиной. Единственным новшеством за последние годы там стали развешанные по стенам резные панно.

– Это всё дядя Паша, – пояснил Дима. – Он же столяр.

Панно тут висели простенькие, даже не покрытые лаком. Скорее заготовки или наброски абстрактных буколик и вполне конкретных лиц, каждое из которых выражало свою обособленную эмоцию. И в череде этих не самых интересных панно выделялась маска – громоздкая, синяя, с рогами, изображавшая не то быка, не то индийского демона.

– Это тоже твой отец сделал? – спросила Аня.

Максим почему-то с удивлением посмотрел на неё. Ответил не сразу:

– Это лицо Смерти. А Корноухов – мой отчим. И нет, это не он вырезал.

Максим больше не добавил ни слова, и в гостиной стало тихо. Аня надеялась, что брат как-то поможет ей сменить тему, но Дима подошёл к синей маске и теперь внимательно рассматривал её, при этом впервые за весь день молчал.

Аня любила брата, вот только в последние годы трудно было сказать, чего тут больше – настоящей любви или чувства вины. Ведь из-за неё Дима в восьмом классе сломал ногу. Двойной осколочный перелом верхней трети бедра. Два месяца лежал со спицами на вытяжке в Тушинской больнице.

Дима никому не рассказал о том, что произошло на самом деле. Аня тогда училась в десятом классе и взяла брата на дачу к друзьям. Знала, что тот не станет болтать про сигареты и алкоголь, не выдаст её родителям. А потом она уехала с одним из парней, оставила Диму в компании старшеклассников – они просидели допоздна, а в час ночи отправились к заброшенному зданию на старых прудах. Дима доверился им. Забрался на замшелый козырёк и радовался неожиданному приключению. Но когда спускался по трубе, не удержался и упал. Бедром угодил на торчавшую из стены арматуру.

Дима рассказывал Ане: пока ждали скорую, он почти не ощущал боли и только боялся, что приедет отец и почувствует, как от Димы пахнет табаком и выпивкой. Даже цеплял пальцами грязь и размазывал её по одежде – надеялся перебить запах. Просил ребят принести какой-нибудь одеколон или духи. Родителей он увидел только в больнице, когда его уже переодели перед операцией. И даже проваливаясь в чёрную дыру общего наркоза, думал лишь о том, что его грязная одежда по-прежнему пахнет сигаретами.

Маме и отцу Дима потом объяснил, будто бы сам, в одиночку, выбрался из дома, пока Аня и её одноклассники спали, и по собственной воле отправился к заброшенному зданию, которое заметил ещё днём. Такая история напугала и расстроила родителей, особенно отца, который и прежде был недоволен сыном.

Когда Диму выписали из больницы, Аня обещала себе впредь заботиться о нём. Надеялась, что брат со временем забудет этот кошмар. И поначалу всё шло хорошо. Он должен был ещё какое-то время ходить на костылях, но в остальном выглядел бодрым. А к Новому году выяснилось, что после перелома и четырёх операций левая нога у Димы стала короче правой на три сантиметра. И эта разница с возрастом только увеличивалась.

Дима никогда не обвинял Аню. Более того, стал относиться к ней с ещё большим теплом. Аня этого не понимала. Удивлялась тому, что брат делится с ней своими тайнами, поддерживает. И старалась отвечать тем же. А потом её перевели в гимназию на Большой Никитской. Репетиторы готовили Аню к поступлению на графический дизайн в Европейский институт дизайна. Диму родители переводить не стали, потому что они жили на Соколе – мама боялась, что ему будет трудно каждый день ездить так далеко. Отец с этим не спорил.

Сейчас, когда Аня вернулась из Мадрида, она сразу почувствовала, что брат изменился. В нём что-то надломилось. Он часто грустил в одиночестве. Учился

без особого интереса. Сидел в интернете и совсем не общался со старыми друзьями. Из новых друзей появился только Максим, и Аня пока не могла понять, что именно связывает её брата с этим человеком. Возможно, оба были нелюдимы, каждый на свой лад. Ведь по Диме с его говорливостью так сразу и не скажешь, что он замкнут и общению предпочитает компьютер или книги.

Аня перевелась в институт графики при Московском политехе. Теперь училась в одном университете с братом, хоть и по большей части в разных корпусах. Только жалела, что не может, как прежде, отвечать искренностью на его искренность. Так и не сказала ему, почему на самом деле вернулась из Испании, почему вдруг променяла Мадрид на Москву. Дима и не допытывался. Наверное, понимал, что ответ ему не понравится.

Аня села в кресло. С любопытством взглянула на скучавшего в их компании Максима. Он почти не смотрел на Аню, хотя она была в новенькой плиссированной юбке и хорошеньком, купленном ещё в Мадриде бомбере с цветными нашивками. Аня знала, что такое сочетание ей идёт.

Молчание затягивалось.

Аня уже хотела заговорить о развешанных в гостиной панно, когда Дима вдруг оживился:

– Кстати, об универе. Что там с твоим репортажем?

– Завтра опять поеду в мастерскую.

– Я с тобой! Хочешь там ещё чего-нибудь накопать?

– Нет. Я там блокнот оставил.

– Блокнот?

– Ну да. Пока фотографировал, положил на стол реставратора. И забыл.

– Ты всегда всё записываешь в блокнот? – уточнила Аня.

Максим неопределённо повёл плечами.

– Ты лучше спроси у него про картину. Давай, давай. Тебе понравится.

– А что там с картиной? – неуверенно произнесла Аня.

Не дожидаясь, пока Максим скажет что-нибудь односложное и унылое, Дима сам поторопился рассказать сестре об «Особняке на Пречистенке». Аню его рассказ заинтересовал. Она любила такие истории. К тому же и без Диминых пояснений понимала, как именно один красочный слой может оказаться под другим.

– А почему твоя мама сняла картину с аукциона?

Аня спрашивала Максима, но отвечать вновь взялся Дима. Макс не сдержал улыбку. Они с Аней впервые свободно обменялись взглядами – в них промелькнуло что-то тёплое, понятное. Дима этого не заметил.

– Екатерина Васильевна... ну, в общем, ей были срочно нужны деньги. И она всё равно не верит, что внутренний слой такой уж интересный. Но в принципе это может поднять стоимость картины. Тут даже раскрывать ничего не надо. Продавай как двойную картину, да и всё.

– Так почему твоя мама отказалась сразу продать «Особняк»? – не поняла Аня.

– Корноухов получил большой заказ, – ответил Максим. При этом отвёл глаза. Кажется, ему было неприятно говорить о безденежье семьи. – Теперь сидит в мастерской. В общем, с деньгами стало полегче. И мама решила не торопиться.

– Ясно. – Аня кивнула.

– А дальше что? – тут же спросил Дима. – Ну, с картиной.

– В следующее воскресенье мама повезёт «Особняк» в Питер. У неё там знакомый. Занимается подделками, атрибуцией и всем таким. Там всё разузнают.

– А ты?

– А что я?

– Тоже поедешь?

– Зачем? Для репортажа мне уже хватит. Расскажу, как реставраторы готовят картины к аукциону. Тут ведь странно получается. Полотно покупают за большие деньги, но, по сути, настоящим владельцем навсегда остаётся именно реставратор. Только он видит, как раскрывается картина. И сам решает, какой она в итоге станет.

Ане такой образ понравился. Кроме того, она почувствовала странное облегчение. «Молчи, и, быть может, люди подумают, что ты умнее, чем на самом деле». Папа любил так говорить – иногда в шутку, иногда всерьёз. И Аня боялась, что Максим из тех парней, которым лучше именно помолчать. Стоит им сказать чуть больше двух-трёх предложений подряд, как весь флёр таинственности рассыпается трухлявыми опилками. Словно чувствуя это, они торопятся пустить вслед ещё несколько фраз, но так окончательно портят дело. Макс, судя по всему, был другим.

– Да чёрт с ним, с репортажем, – не успокаивался Дима. – Нам нужно написать проблемную статью для Хохловой, так?

– И что в этой статье будет проблемного? – Макс понял, куда клонит Дима, и не стал растягивать разговор лишними вопросами.

– Как что?! Подделки, атрибуция! Не чувствуешь? Хохлова разрешила писать в паре...

– Я знаю.

– Тема свободная.

– Знаю.

– И ты знаешь, почему я должен писать именно с тобой. Да, если пишешь в паре, нужно ещё сделать презентацию, подобрать фотки и дополнительно сделать флеш-интервью для подвёрстки. Но это всё ерунда, я сам разберусь.

Максим вздохнул. Аня сочувственно наклонила голову. Они вновь обменялись понимающими взглядами. Будто сказали друг другу, что проще до конца выслушать Диму.

Он ещё долго говорил. Настойчиво просил Максима вместе поехать в Петербург. Приводил бесконечные доводы, от разумных до совершенно неуместных. Аня ждала, что после этой тирады Максим скажет своё ёмкое «нет», однако он промолчал.

– Отлично! – Дима, кажется, неплохо разобрался в оттенках его молчания. – Значит, решено. Сто лет не был в Питере.

В комнату зашёл рыжий кот, и Дима обрадовался возможности сменить тему – значит, по-прежнему боялся получить отказ:

– Если бы мы были персонажами Капоте, Перс забрался бы кому-нибудь из нас на плечо и там бы уснул. Понимаешь, о чём я?

Перс не знал ни Капоте, ни его персонажей, любивших пускаться себе на плечи именно рыжих котов, поэтому мягкой скучающей поступью прошёлся вдоль дивана. Сел, лениво приластился к ногам Ани. Задумчиво уставился в пустоту – будто забыл сделать что-то важное, не терпящее отсрочек. То ли пописать, то ли покакать. Аня демонстративно разгладила юбку и призывно похлопала себя по коленям, но Перс даже не посмотрел на неё. В задумчивости лизнул вялую лапу, вновь провалился в безвременье – так и просидел ещё несколько мгновений: с открытыми глазами, с вытянутой передней лапой. Покачнулся. Растерянно понюхал Анины колготки и всё так же неспешно ушёл из гостиной.

– Ха! – Дима встал со стула.

– Нет, – Макс качнул головой.

– О да.

– Нет.

Аня не понимала, о чём идёт речь, но чувствовала, что Макс говорит скорее с улыбкой, больше соглашаясь с Димой, чем противясь его задумке.

– Перса в прошлом году кастрировали. – Дима приблизился к дивану, чтобы забрать свою трость. – Потому что он начал метить мебель.

– Не надо, – уже тише, без сопротивления возразил Максим.

– Да ты что! Это ж тут главная достопримечательность.

– Описанная мебель? – усмехнулась Аня.

– Именно! – Дима зашагал к одной из закрытых дверей, ведущих из гостиной. Под его ботинками чуть поскрипывали половицы старого пола.

Дима всегда ходил в обуви. Разувался только на ночь. В его шкафу стояло не меньше десяти пар абсолютно одинаковых ботинок, единственным различием которых была форма носка и задника. Их делали на заказ. Чёрные, кожаные, с застёжками вместо шнурков. И с подошвами разной высоты. Левая – выше. Чтобы компенсировать разницу в длине ног. От обычной обуви Диме пришлось отказаться. Аня знала, что Дима иногда ложится спать в кроссовках, которые купил втайне от родителей. Ему нравились лёгкие сетчатые «найки».

– Вначале он пи?сал на диван. – Дима остановился у закрытой двери и с довольным видом продолжал: – Диван пытались отмыть. Не получилось. Вызвали химчистку. Запах мочи пропал, но потом Перс опять его пометил. А диван был хороший.

– Новенький, – кивнул Максим.

Теперь можно было не сомневаться, что ему эта история нравится не меньше, чем Диме.

– В итоге снова вызвали химчистку и диван перенесли в пустую комнату. На этом всё не закончилось. Перс пометил кресло. Потом два стула, кушетку и... что-то ещё.

- Настольную лампу, - Максим усмехнулся. - А заодно и сам стол.

- Потом его кастрировали, и метить он, в общем-то, перестал, но Екатерина Васильевна боялась оставлять на виду вещи с запахом кошачьей мочи. То есть они уже не так сильно пахли после всех обработок, но рисковать было нельзя, чтобы Перс не взялся за старое.

- Если б он начал метить вещи после кастрации, пришлось бы выселять его на улицу, - кивнул Макс.

- Ну да. Поэтому всю обоссанную мебель собрали в одной комнате и...

- Молчи.

- ...и нарекли эту комнату гостевой!

Ане история с гостевой комнатой показалась довольно глупой, однако она была рада посмеяться вместе с Димой. Брат пришёл в восторг и только сетовал, что гости к Шустовым приезжают редко.

- А вы говорите им, что комната, ну... такая?

- Запаха не осталось, - отмахнулся Максим.

- Ты не ответил, - настаивала Аня.

- Нет, не говорим, - Максим сдержанно улыбнулся, хотя по всему было видно, что он готов рассмеяться вместе с остальными. - Чтобы не приняхивались.

- Идём! - Дима толкнул дверь. - Вот она. Лучшая из всех гостевых. И кто бы мог подумать, зачем тут столько мешочков с лавандой и на подоконнике - пиала с гвоздикой?

Глава четвёртая. Тревожная новость

– «Зомби был отброшен в сторону, но не прекратил нападения. Доведённая до отчаяния девушка выскочила из воды. Здесь несколько других зомби пришли на помощь первому и вонзили свои зубы в ноги злополучной девушки. И началось самое ужасное. Зомби стали поедать добычу живьём, причём каждый начал с того места, где ему удалось ухватить несчастную жертву. Душераздирающие крики девушки смешивались с хором чавкающих челюстей её истязателей». Ну как?

Дима отложил листок и принялся за остывавший суп.

– Пишешь хоррор? – небрежно спросил Олег.

Он только что пришёл с пары и не знал, чего вдруг Дима начал зачитывать свои сочинения. Дима ему вообще не нравился. Слишком неопрятный, слишком суетливый. Он бы не сел с ним за один стол, однако хотел переговорить с Максом. К тому же тут были Артур с Алиной.

– Почти, – улыбнулся Дима. – Это по риторике.

– Задание по подмене понятий? – удивился Олег.

– Ага.

– И... ты уверен, что понял его правильно?

Артур и Алина усмехнулись. Только Макс оставался невозмутим и сосредоточенно доедал суп. Кормили в университетской столовой плохо. Олег по возможности ходил в «Крошку Картошку» или «Макдак» у метро. Иногда заглядывал в кафе «Мацони». В столовой бывал редко и брал здесь только пюре с куриной отбивной. Всё остальное вызывало отвращение. Липкие белые рожки. Засаленные булочки. И, конечно, суп, вермишелевый или гороховый, в который женщина на раздаче всякий раз умудрялась окунуть жёлтый ноготь большого пальца. Олег поморщился. Сегодня он купил яблоко и орешки. Лучше перетерпеть.

– Это Конрад Лоренц. Отрывок из «Царя Соломона», – объяснил довольный Дима.

– Что-то вроде Кинга? – Олегу начинал надоедать этот разговор.

– Нет. Лоренц – учёный. Зоопсихолог.

– Я знаю.

Олег не знал. Но ему не нравилось, когда Дима начинал выпендриваться. Он слишком много говорил и всякий раз пытался выдать что-нибудь такое, необычное. Всеми силами привлекал внимание. Но с ним всё равно никто не общался. Кроме Макса. Этого Олег не понимал. Макс был неплохим. Со своими странностями, но без болтовни, с понятиями. На первом курсе Олег с ним вроде бы сошёлся. Они даже вместе проходили практику в «России сегодня», в главном здании на Зубовском бульваре. Туда их устроил отец Олега. Но потом вокруг Макса стал бегать Дима. Ну как бегать – ковылять. Верная хромая собачка, вечно скулящий пудель. Макс так и не избавился от него. И этим летом на практику пойдёт в захудалое «Зеленоград сегодня».

– Это прямая цитата, – продолжал надоедать Дима. – Я заменил только два слова. Два! Ну или почти два.

Трепло.

– Вместо зомби у него – землеройка. А вместо девушки – лягушка. Всё остальное на месте.

– Здорово, – кивнула Алина. Она, конечно, так не считала и говорила больше из жалости. Алина всегда была слишком добра к Диме. – Только ты уверен, что...

– Знаю, – Дима не дал ей договорить, – это не совсем та подмена понятий. Но ведь иначе скучно! Да, да, сложный логический приём, эристика, софистика и так далее. Но у меня интереснее. От замены двух слов полностью меняется картина!

Дима не останавливался. Продолжал разглагольствовать про манипуляцию сознанием, про то, что сейчас редко используют подмену понятий, а чаще изменяют сам предмет обсуждения. Олег его не слушал. Ему было скучно. Он ждал возможности переговорить с Максимом.

На первой паре выяснилось, что Пашинин, преподаватель основ творческой деятельности, куда-то уехал. Половину апреля его будет заменять новый преподаватель. Доцент Егоров. Олегу Егоров понравился. Степенный, представительный. В костюме «Ван Клиф», на «Ауди А4». Вообще, странно, что такой человек до сих пор не поднялся выше доцента и согласился работать на подхвате. Впрочем, всех деталей Олег всё равно не знал.

Первым делом Егоров попросил старосту до пятницы сдать полный список студентов с указанием темы, на которую они собирались писать практическую часть экзамена. Свой репортаж Олег доверил Максиму. В общих словах знал, о чём там пойдёт речь, но теперь хотел увериться, что всё будет выполнено в срок.

Откусив яблоко, Олег с тоской огляделся. Захудалая тесная столовка. Как и весь университет. Раньше тут располагались конюшни. Основное здание было чем-то вроде особняка, где в какие-то годы выступал Шаляпин. В деканате из-за этого факта все просто лопались от гордости. Упоминали Шаляпина по любому поводу, разве что не включали его элегию Массне перед парами. А ведь сам особняк давно превратился в дешёвую коробку с линолеумом, школьными партами и прокуренным туалетом. Впрочем, Олега всё это больше не беспокоило. Отец уже договорился, что летом его переведут в МГУ.

Дима никак не умолкал, и Олег вытянул руку. Из-под белоснежного манжета выскользнули часы. «Клод Бернар». Двадцать две тысячи рублей. Кварцевый механизм, корпус с позолотой и сапфировое стекло. Подарок отца на восемнадцатилетие. На следующий день рождения Олег ждал машину. Какой смысл учиться на Моховой и ездить туда на метро? Можно что-нибудь недорогое. Какой-нибудь «Рено» в минимальной комплектации. Это неважно. Но у журналиста должны быть колёса.

Сложив руки на столе, Олег вдруг понял, что так и не рассмотрел, который час. Вынужден был вновь вытянуть руку. До конца перерыва оставалось пятнадцать минут.

– Что с репортажем? – наконец спросил он Максима.

Дима ещё говорил с Алиной, в разговор иногда вступал Артур, но Олег решил их игнорировать. Вообще в столовой стало чересчур шумно. На раздаче собралась очередь человек из двадцати. Многие стояли с пустыми подносами и с

сомнением оглядывали зал – свободных мест не было.

– Всё сделаю, – Макс доедал гречку с тефтелями.

– Через две недели сдавать план с бэкграундом.

– Сдашь его через неделю.

– Отлично. Просто, говорят, ты где-то потерял свой блокнот. Вот, решил уточнить.

– Говорят?

Олег улыбнулся. Слышал, как Дима утром рассказывал об этом Алине. Дима всегда был треплом. Такому ничего нельзя доверить. И сейчас Олег с удовольствием показал это Макс, пусть так, намёком. Макс хорошо понимал намёки.

– Не страшно. Сегодня заберу.

– До пятницы...

– Тему скину на почту.

Да, Макс всегда понимал с полуслова.

– Скачал бы мессенджер.

– Нет.

Конечно, не скачает. Макс со странностями и всегда последователен. Всё фиксировал в блокноте, предпочитал ходить пешком и никогда не списывал на экзамене.

– Давно бы купил нормальный телефон.

– Не хочу.

– Почему?

– Просто не хочу, – Макс почти допил компот с курагой. Значит, скоро уйдёт. Он никогда не ждал остальных. И Олегу это нравилось.

– Каждый человек имеет право чего-то не хотеть, – встрял в разговор Дима. – Без оправданий, без объяснений. Просто так. Сочувствовать детям Германии, не жалеть полтинника и всё же отказываться им поделиться.

Алине его слова понравились. Она кивнула и добавила:

– Хорошо, когда никто до тебя не докапывается. Кому какое дело? Неужели так сложно принять твоё «не хочу»? Нет, нужно спорить, переубеждать.

– А ведь я не говорю, что поступаю правильно, – подхватил Дима. – Я говорю, что поступаю по-своему.

Олегу надоело слушать этот трёп. Он даже не собирался им ничего отвечать, хотя со стороны могло показаться, что такими словами они вроде как высмеивают его. Пусть. Жизнь рассудит.

Олег посмотрел на Алину. Никак не мог понять, что она нашла в Диме. В прошлом семестре они вроде как сошлись. Ничего такого, просто всё время тёрлись поблизости. Странно. Алина красивая. Чуть пухленькая, но вполне спортивная. Так бывает. И это хорошо. Потом, правда, Алина начала встречаться с Артуром. Олег и сам мог бы с ней встречаться, если бы не планировал перевестись в МГУ. А Дима тогда исчез, целый месяц не появлялся в универе. Месяц! Где он был? Почему никого не предупредил? Впрочем, Олега это не интересовало. Дима сам виноват. Щёлкал клювом, пока Алина была рядом. Теперь унижался – как ни в чём не бывало болтал с ней, с её парнем. А когда она предложила ему вместе писать проблемную статью для Хохловой, отказался. Сказал, что уже договорился с Максом. Ну да. Олег готов был поспорить, что сам Максим об этом договоре тогда ещё не знал.

«Слизняк...»

Дима, конечно, калека. Но это не оправдание. Говорят, он таким родился – колченогим. И нога у него под брючиной вроде вся уродливая, сухая. Ну так воспользуйся этим, стань сильнее! Это не повод ходить как чучело. Всегда в бесформенной клетчатой рубашке, в линялых джинсах и огромных чёрных ботинках. Никогда не пользовался туалетной водой. Большие, растрескавшиеся девчачьи губы, но хуже всего с волосами. Чёрные, кудрявые, они у Димы были вечно сваляны бесформенной шапкой. Это при том, что семья у него обеспеченная; мог позволить себе и хорошо одеваться, и ухаживать за собой.

Олег знал о семье почти каждого из сокурсников. Хороший навык для журналиста. Нужно понимать, с кем и как общаться, где искать контакты. Цену настоящего журналиста определяет не его опыт – что такое опыт, да и как его измеришь? – а толщина его записной книжки. Это точно.

Отец Димы возглавлял московский филиал крупной фармацевтической компании. Денег у него было предостаточно. Сестра Димы училась в Испании – Дима ещё на первом курсе все уши прожужжал Олегу и остальным про свою сестру. Жили они на Соколе в большой квартире. Мать ездила на БМВ. Чем плохо? А Дима ходил как битник или хиппи.

У Макса зазвонил телефон.

– Что-нибудь случилось? – спросил он в трубку. – И давно?

Олег прислушивался, но из-за шума в столовой не мог понять, с кем говорит Максим.

– Тебе из полиции позвонили?

Теперь и остальные заинтересовались разговором. Но делали вид, что заняты исключительно обедом. Артур и Алина допивали сок, а Дима по традиции только сейчас принялся за гречку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/rudashevskiy_evgeniy/gorod-solnca-glaza-smerti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)